

DOI: 10.31857/S032103910021612-6

КАТИЛИНА И ЛОЗУНГ *TABULAE NOVAE*

Д. Д. Дымская

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: cromwell@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-7222-8392

Часто считается, что во время своей предвыборной кампании 63 г. до н.э. Катилина использовал лозунг *tabulae novae*. В статье доказывается, что он не мог прибегнуть к такого рода агитации: поскольку он не был магистратом, то не имел права созывать *contio*, чтобы предложить *tabulae novae*, а даже если бы сам Катилина или кто-либо из его сторонников так сделал, это не принесло бы ему пользы, поскольку приходили на собрание обычно лишь обеспеченные люди, располагавшие временем, достатком и желанием посещать его. Кроме того, открытая агитация в пользу *tabulae novae* нанесла бы ущерб репутации Катилины в глазах правящей элиты, тогда как в его интересах было не раздражать этих людей. Поэтому представляется вероятным, что он мог в частном порядке пообещать своим друзьям известные преференции в случае своего избрания, но не более того. Что же касается сулланских ветеранов, то вполне возможно, что их голосами он заручился не потому, что пообещал им отмену долгов, а благодаря своим личным заслугам.

Ключевые слова: Римская Республика, *tabulae novae*, заговор Катилины, Цицерон

CATILINE AND THE *TABULAE NOVAE* SLOGAN

Dariya D. Dymskaya

Library of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

E-mail: cromwell@inbox.ru

Данные об авторе. Дарья Дмитриевна Дымская — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела научной систематизации литературы Библиотеки Российской академии наук.

Автор выражает благодарность А.В. Короленкову и В.К. Хрусталёву за ценные рекомендации при работе над статьей.

It is generally assumed that Catiline used the slogan of *tabulae novae* during his electoral campaign in 63 BC. The paper argues that he could not resort to such an agitation: since he was not a magistrate, he had no right to call a *contio* to make a *tabulae novae* proposal and even if Catiline or any of his associates did so, this would not benefit him because only well-to-do people most likely had time and wealth to participate in assemblies. Moreover, public agitation for *tabulae novae* would harm Catiline's reputation in the eyes of the ruling elite while his best interest was not to get on their bad side. This is why it seems plausible that he could privately promise his friends certain advantages in case he got elected, but nothing beyond that. As for Sullan veterans, it is highly probable that Catiline secured their votes not with promises of cancellation of debts, but with his personal merits.

Keywords: Roman Republic, *tabulae novae*, Catilinarian conspiracy, Cicero

В научной литературе имя Катилины часто связывается с лозунгом *tabulae novae*, в связи с чем подробно исследовались различные социально-экономические аспекты политической борьбы 63 г.¹, в том числе долговая проблема как таковая. Мы же хотели бы предложить взглянуть на данный вопрос немного с другого ракурса и основное внимание уделить самому лозунгу. Кому именно обещал Катилина пресловутые *tabulae novae*, в какой форме и обещал ли вообще? Была ли эта идея одним из пунктов его предвыборной агитации в 63 г., как считают одни ученые², или частью программы заговора, как полагают другие?³ Чтобы в этом разобраться, рассмотрим в хронологическом порядке данные источников, на которые опираются сторонники названных гипотез, и начнем с версии о предвыборной агитации.

¹ Здесь и далее все даты — до нашей эры.

² При этом под *tabulae novae* часто понимается отмена долгов: Gelzer 1926, 1702; Cary 1932, 491; Livshits 1960, 121–122; Yavetz 1963, 492; Ramsey 2007, 109, 124; Yakobson 1999, 165 (ученый прямо не утверждает, но допускает такую возможность); Gruen 1995, 425; Rollinger 2009, 44–45 (исследователь уточняет, что скорее всего отмена долгов была не реальной программой Катилины, а просто политическим лозунгом, привлекательным как для народа, так и для влезших в долги *audaces iuvenes* — сыновей сенаторов, а также для отдельных сенаторов); Batstone 2010, 170; Scullard 2010, 93; Canfora 2011, 321; Schietinger 2017, 174; Berry 2020, 127. Однако есть и другая точка зрения, согласно которой речь шла лишь об изменении долговых условий: Gvozdev 1947, 34 (идея высказана, но доказательства не представлены). В зарубежной историографии данная гипотеза подробно обосновывается в статье А. Джованнини (Giovannini 1995, 15–32), и все разделяющие ее ученые лишь выражают согласие с его мнением: Kananack 2012, 149–150; Knopf 2018, 168, Anm. 380; Morstein-Marx 2021, 54. Э. Драммонд занимает осторожную позицию: с его точки зрения, неясно, являлись ли *tabulae novae* частью политической программы Катилины, а если да, то что он под этим подразумевал. В любом случае, с точки зрения ученого, если Луций Сергий или кто-либо другой делал подобные посулы, то это было не более чем попыткой извлечь выгоду из насущных проблем: Drummond 1999, 146.

³ Brunt 1971, 130; McGushin 1977, 149 (по мнению ученого, Катилина был первым, кто попытался ликвидировать долги не законодательным путем, а посредством вооруженного восстания); Barbieri 1994; Billows 2009, 95. Э. Грюэн и У. Бэтстоун полагают, что изначально Катилина использовал соответствующий лозунг в предвыборной агитации, а затем включил его в программу своего заговора: Gruen 1995, 429; Batstone 2010, 164.

В самый разгар скандала вокруг предполагаемого заговора Цицерон, перечисляя во второй Катилинарии разные типы должников, язвительно именует их «войском Катилины» (Cic. Cat. II. 17–20), но при этом замечает, что *tabulae novae* от Луция Сергия ждали лишь те из них, кто помимо больших долгов обладал еще большими владениями (eorum, qui magno in aere alieno maiores etiam possessiones habent), являя при этом *hominum species (est) honestissima*, но *voluntas et causa inpudentissima* (II. 18). Это наводит на мысль, что соответствующие обещания Катилины были адресованы представителям именно данной группы, что исключает возможность *широкомасштабной* агитации с привлечением данного лозунга с его стороны. Заметим, что и Цицерон ничего о ней не говорит, хотя если бы Катилина действительно *официально* выступил с подобным предложением, то оратор, очевидно, упомянул бы об этом, поскольку в сложившихся обстоятельствах такого рода обвинение прозвучало бы весьма выигрышно⁴.

О том, что Луций Сергий все же обращался к данной проблеме, мы узнаем из речи «В защиту Мурены». Оратор сообщает, что незадолго до выборов на 62 г. Катилина устроил у себя дома сходку (*contio domestica*⁵), на которой сказал присутствующим, «что никто не может быть преданным защитником обездоленных людей, кроме того, кто обездолен сам; что посулам благоденствующих и богатых людей пострадавшие и обездоленные верить не должны; поэтому пусть те, которые хотят возместить себе растраченное и вернуть себе отнятое у них, взглянут, как велики его долги, каково его имущество, какова его отвага; бесстрашным и неимущим должен быть тот, кто станет вождем и знаменосцем неимущих» (Cic. Mur. 50. Здесь и далее речи Цицерона цитируются в пер. В.О. Горенштейна). Примерно то же передает Саллюстий, только у него эта встреча происходит в 64 г. Катилина, пишет он, собрал в своем доме «тех, у кого были наибольшие требования и кто был наиболее нагл», а также «многих знатных людей, которых надежды на власть побуждали больше, чем отсутствие средств или какая-нибудь

⁴ Поскольку сразу же после должников оратор называет в числе сторонников Катилины братоубийц, головорезов и прочих сомнительных личностей (Cic. Cat. II. 22), смысл его обвинения, по-видимому, состоял не в том, что Луций Сергий пытался привлечь избирателей радикальными лозунгами, а в том, что голосовали за него одни негодяи. Тем самым Цицерон противопоставлял его приверженцев своей аудитории (которая, как подразумевалось, состояла из добропорядочных граждан, а потому была на стороне оратора) и отделял их от нее. Д. Берри использует этот аргумент для доказательства обратного: по его мнению, Катилина строил свою агитацию на обещании отмены долгов, а Цицерон об этом знал и потому решил изобразить сторонников *tabulae novae* в таком виде, чтобы слушатели не идентифицировали себя с ними, не сочувствовали им и не одобряли их: Berry 2020, 129. Однако в этом случае не вполне ясно, при чем здесь головорезы и братоубийцы, ибо о них не сказано, что они были заинтересованы в отмене долгов, а ведь Цицерон упоминает их единым списком сразу после должников.

⁵ Учитывая, что в римской политической практике термин *contio* служит для обозначения официальной сходки, которую созывает магистрат или полководец (и которая поэтому не может быть *domestica*), выражение Цицерона, по сути, является оксюмороном, призванным придать частной встрече, на которой обсуждались политические вопросы, видимость незаконного собрания заговорщиков: Tatum 2013, 146–147.

другая нужда» и знатных юношей, склонных к легкомысленному образу жизни (Sall. *Cat.* 17. 2–3. Здесь и далее пер. В.О. Горенштейна), и «посулил им отмену долгов, проскрипцию состоятельных людей, магистратуры, жреческие должности, возможность грабить и все прочее, что несут с собой война и произвол победителей» (Sall. *Cat.* 21. 2). Наконец, сходные сведения можно найти у Диона Кассия: после поражения на выборах на 62 г. Катилина «собрал со всего Рима людей самого низкого происхождения»⁶, как можно больше союзников, а также тех, кто всегда желал каких бы то ни было нововведений⁷ и пообещал им «отмену долгов и распределение земли и прочее, чем он в особенности надеялся их приманить» (Dio Cass. XXXVII. 30. 2). Очевидно, что во всех трех случаях говорится об одном и том же собрании, поэтому, несмотря на различные датировки⁸, логичнее всего было бы остановиться на версии Цицерона, т.е. датировать его сентябрем 63 г.⁹

Главное же существенное различие между сообщениями наших авторов состоит в том, что у Цицерона и Саллюстия Катилина обращается к равным, а у Диона уже имеет в виду интересы людей «низкого происхождения». Это можно было бы понять в том смысле, что Катилина созвал настоящую *contio*, а не *domestica*, но в действительности у него не было на то полномочий, ведь, как известно, созывать сходки мог только магистрат, а Катилина в 63 г. таковым не являлся. Теоретически это мог сделать, например, Лентул Сура, на тот момент действующий претор¹⁰, однако сведений о том, что он или кто-то из его сторонников так и сделал и пригласил Катилину выступить или сказал что-то подобное сам, в источниках не сохранилось. Дион Кассий, правда, пишет, что в первой половине 63 г. с инициативой отмены долгов выступил один из трибунов (Dio Cass. XXXVII. 25. 4)¹¹, но о том, что этот человек был каким-либо образом связан с Катилиной, ничего не известно.

⁶ Дион Кассий использует для характеристики этой публики слово *κακίστους* (подлейших), которое может означать как «дурных» людей, так и «низкого происхождения». Мы больше склоняемся ко второму варианту, поскольку «дурными» в моральном плане являются скорее те, кого Дион упоминает далее, т.е. люди, всегда жаждущие смуты.

⁷ Т.е. стремился к государственному перевороту.

⁸ Из-за того, что Саллюстий датирует встречу Катилины с единомышленниками иначе, Э. Драммонд считает ее описание у него фикцией: Drummond 1999, 146–147. Однако более вероятным представляется, что писатель просто изложил собственное видение того, о чем прочитал у Цицерона, а хронологию, как неоднократно указывалось в литературе, изменил в угоду литературным соображениям, что вообще характерно для его памфлета о Катилине (см., например, McGushin 1977, 155–156). То же отчасти можно сказать и о Дионе (см. в этой связи прим. 11).

⁹ Оратор указывал, что за день до выборов доложил об этой сходке сенату, в связи с чем было принято решение их перенести (Cic. *Mur.* 51). Выборы же обычно проводились в июле, но, возможно, в данном случае из-за вынесения *lex Tullia de ambitu* их пришлось отложить до конца сентября: Ramsey 2019.

¹⁰ Sall. *Cat.* 46. 5; Vell. Pat. II. 34; Dio Cass. XXXVII. 30.

¹¹ Э. Драммонд полагает, что это сообщение не стоит воспринимать всерьез: другими источниками оно не подтверждается и скорее всего было включено в изложение для того, чтобы придать ему симметрию: подобно тому как Катилине Дион приписал не встречающиеся в других источниках обещания распределения земли,

Впрочем, даже если бы Луцию Сергию удалось выступить самому, он все равно не смог бы заручиться широкой поддержкой, ибо регулярно участвовать в *contiones*, по всей видимости, могли только имущие классы, располагавшие необходимым для этого досугом и средствами. А в центуриатных комициях, где проводились консульские выборы, неимущие слои не определяли исход голосования¹². А. Якобсон, правда, доказывает, что в случае раскола элиты значение имели даже голоса пролетариев¹³, а Г.Ф. Шитингер отчасти принимает его теорию, оговаривая, что в таких условиях победа кандидата могла скорее зависеть от второго, третьего и четвертого классов¹⁴. Однако относительно участия низших классов Х. Моритсен резонно отмечает, что для этого раскол среди элит должен был быть весьма значительным, а это уже дело случая¹⁵, и представители низших классов никогда не могли предугадать, дойдет ли до них очередь при голосовании (о чем, кстати, говорит и Цицерон: *Mur.* 71; *Off.* II. 59)¹⁶. Так что даже если бы Катилина и мог провести среди них агитацию, смысла в этом было немного.

чтобы создать параллель с законопроектом Рулла, так и предложение трибуна в связи с *tabulae novae* он сделал параллелью к аналогичным посулам Катилины (адресованным, правда, его единомышленникам). Это нужно было для демонстрации того, что раздоры проникли в самое сердце римской политической системы, примером чего служил коллега Цицерона Гай Антоний, который, согласно Диону, сначала поддерживал законопроекты, сулившие большие перемены в политическом и экономическом *status quo*, а когда те не прошли, оказался вовлечен в заговор Катилины, желавшего добиться того же самого, но уже насильственным путем: Drummond 1999, 152–153. Как видно, доказательство Драммонда строится в первую очередь на отсутствии упоминания названных фактов в других источниках, и в случае с обещаниями Катилины дело обстоит именно так. Однако в том, что касается трибунских предложений, мы бы скорее согласились с Ф. Кнопфом, который находит их подтверждение в письмах Цицерона, где оратор хвастается тем, как ему удалось спасти заимодавцев (*Cic. Att.* II. 1. 11): Knopf 2018, 161–162. Правда, Кнопф относит сюда же и похожую по смыслу фразу из трактата «Об обязанностях» (II. 84), но думается, что в этом сочинении Цицерон скорее имел в виду восстание Манлия, о чем речь пойдет ниже.

¹² Mouritsen 2001, 40–44 (о зажиточных гражданах), 94–95 (о голосовании в центуриатных комициях).

¹³ Yakobson 1999, 51.

¹⁴ Schietinger 2017, 173.

¹⁵ В том, что касается позиции элит по вопросу долговой проблемы, весьма показателен пример *lex Valeria de aere alieno* (86 г.). Закон Валерия, позволявший выплачивать лишь четверть долга, был настолько беспрецедентной и непопулярной мерой, что Цинна не пожелал связать с ним свое имя, и провести его было поручено консулу Валерию Флакку, которого Веллей Патеркул называет из-за этого *turpissimae legis auctor* (Vell. Pat. II. 23. 2; Korolenkov 2020, 193–194). У Саллюстия Манлий говорит, что закон был принят «по желанию всех порядочных людей» (*Sall. Cat.* 33. 2: *volentibus omnibus bonis*), но поскольку эти слова вложены в уста мятежника, их, по-видимому, следует понимать в противоположном смысле: Korolenkov 2020, 193, прим. 114–115 (с литературой). Отсюда видно, что если так была воспринята мера, осуществленная действующим магистратом, то для кандидата было тем более рискованно выступать с подобными (или даже более радикальными) предложениями. Кроме того, отсутствие лозунга *tabulae novae* в предшествующее время говорит само за себя.

¹⁶ Mouritsen 2001, 95.

Следует также учитывать, что на решение избирателей влияли преимущественно личность кандидата и/или подкуп, а предлагать предвыборные программы было не принято, вследствие чего «популярские» деятели обычно заявляли о себе уже после занятия должности¹⁷.

Таким образом, остается заключить, что сообщение Диона Кассия представляет собой не рассказ о некоей сходке, созванной Катилиной с целью предвыборной агитации, а искаженное отражение данных Цицерона и Саллюстия о его *contio domestica*. Поскольку же все, что он тогда говорил, сообщалось в частном порядке и касалось только присутствовавших, очевидно, что речь могла идти лишь о некоторых личных предпочтениях, но уж никак не о *tabulae novae* для всех.

Г.М. Лившиц, правда, считает, что все эти обещания в действительности были предназначены для распространения и именно поэтому радикальная речь Луция Сергия, о которой писал Саллюстий (или упоминал оратор, выступая в защиту Мурены), получила широкую огласку¹⁸. Однако данная гипотеза вызывает сомнения: ведь даже если Катилина позволял себе высказывания, подобные тем, которые приписывают ему античные авторы, рассчитаны они были скорее на узкий круг друзей — не случайно Саллюстий пишет, что перед началом совещания Луций Сергий специально проверил, чтобы поблизости не оказалось лишних свидетелей (*Sall. Cat.* 20. 1)¹⁹. Да и распространять радикальные лозунги ему как раз было невыгодно, поскольку это могло серьезно повредить ему в глазах правящей группы нобилитета. Даже если Красс, который поддерживал заключивших союз Катилину и Антония на выборах на 63 г. (*Ascon. P.* 83 Cl.)²⁰, теперь отступился от одного из своих протеже и был больше заинтересован в том, чтобы консулом 62 г. стал Мурена, не стоило делать его и других могущественных кредиторов (а также Катула, с которым Катилину, по-видимому, связывала своего рода *amicitia*) своими врагами и тем самым ухудшать свои и без того не блестящие шансы на избрание.

Вышеизложенное позволяет заключить, что ни о какой широкомасштабной агитации в пользу *tabulae novae* среди *plebs urbana* (будь то лично или через посредников) речи не шло. Другьям, присутствовавшим на домашней встрече, Катилина мог похвастаться своими долгами просто для того, чтобы показать, что он

¹⁷ Mouritsen 2001, 92; Schietinger 2017, 174. В «Кратком наставлении по соисканию» *expressis verbis* сказано: *nec tamen in petendo res publica capessenda est neque in senatu neque in contione* (*Comm. pet.* 53). Известны и конкретные примеры: так, Помпей произносит речь политического характера уже *после* своего избрания в консулы (*Cic. Verr.* I. 44). Так же поступает и Марий у Саллюстия (*Sall. Jug.* 84. 1; 5). Сама речь арпината (*Sall. Jug.* 85. 1–50), разумеется, не подлинная, но в данном случае важно то, *когда* автор заставляет его ее произнести.

¹⁸ Livshits 1960, 122.

¹⁹ Даже если это и выдуманная деталь, она показывает, что, с точки зрения Саллюстия, Катилина не хотел, чтобы его слова слышали посторонние, т.е. писатель понимал, насколько дико звучат предложения, которые он вложил в уста своего героя.

²⁰ Вполне убедительной выглядит версия Г.Ф. Шитингера, который считает, что в 64 г. Красс поддерживал скорее Антония, а Катилину — просто «за компанию», из-за чего последний и стал основной мишенью цicerоновской *In toga candida*: Schietinger 2017, 168. Anm. 119.

такой же, как они, свой²¹, и пообещать какие-либо преференции в случае своего избрания, но не более того. Зато Цицерон, узнав о его словах через своих осведомителей (Sall. *Cat.* 23. 1–4; 26. 2–3; Plut. *Cic.* 14. 4), судя по всему, решил этим воспользоваться и не только позаботился о том, чтобы по Городу распространились пугающие слухи о будто бы радикальных намерениях Луция Сергия²², но еще и лично доложил о них сенату, чтобы как следует запугать *patres* (Cic. *Mur.* 50). Катилина же, когда ему предложили высказаться по этому поводу, в силу своего характера ответил довольно дерзко и тем самым только усугубил зарождавшиеся страхи (*Mur.* 51).

Мог ли он использовать лозунг *tabulae novae* для привлечения иной, более благодарной аудитории? В пользу этого предположения, казалось бы, говорят три обстоятельства: 1) по словам Аппиана, Катилина «рассылал своих людей к тем из сулланцев, которые растратили все те барыши, что они получили в результате насилий, бывших при Сулле, и теперь стремились к таким же насилиям» (App. *BC.* II. 2. 7. Пер. С.И. Ковалева); 2) сулланские ветераны и их жертвы из Арреция и Фезул, т.е. из северной Этрурии (Cic. *Mur.* 49; Plut. *Cic.* 14. 2), региона, жители которого находились в наиболее бедственном финансовом положении по сравнению с остальными²³, специально приезжали в Рим, чтобы за него проголосовать; 3) после его поражения в этой области вспыхнуло восстание под предводительством бывшего сулланского центуриона Гая Манлия, причем причиной

²¹ Э. Грюэн считает, что на самом деле Катилина не испытывал финансовых затруднений, поскольку именно это он писал Катулу (Sall. *Cat.* 35. 3). Саллюстий пытается уверить читателей в обратном (5. 7), но из его же повествования явствует, что даже накануне заговора у Катилины была хорошая кредитная история (24. 2): Gruen 1995, 420, п. 54. Данная гипотеза в силу ряда причин представляется нам неубедительной. Прежде всего, поскольку Катилина строил политическую карьеру, долги у него в любом случае были. То, что он уверяет Катулу в своей платежеспособности и оставляет на его попечение свою жену, которая как раз могла бы выплатить все его долги, наводит на мысль, что Катул мог быть одним из его кредиторов или поручителей, а потому в интересах Катилины было успокоить его и представить дело так, будто проблема не в долгах, а в уязвленном честолюбии — типично аристократическая мотивация, позволявшая ему в каком-то смысле сохранить лицо. На самом же деле так, как поступил Катилина, уехав к Манлию, поступают только отчаявшиеся люди, из чего следует, что ему, возможно, грозило банкротство. А банкротство, как пишет М. Фредериксен, означало политическую смерть, поскольку если неспособность заплатить была доказана в суде, за этим следовала *proscriptio bonorum*, а в большинстве случаев также и *infamia*: Frederiksen 1966, 128. Что же касается сообщения Саллюстия о финансовых проблемах Катилины, то соответствующие сведения он мог почерпнуть у Цицерона (Cic. *Mur.* 50).

²² В теории Катилина мог, например, высказаться на пиру с единомышленниками в том смысле, что было бы неплохо сжечь хранилище долговых обязательств, а впоследствии это могло быть истолковано как стремление поджечь Город.

²³ Ф. Сантанджело связывает это с тем, что в данной области колонизация началась позже, чем в Кампании (ибо военные действия там прекратились только в 79 г. после взятия Волатерр), местные жители были настроены к колонистам враждебно, а восстание Лепида 77 г., по-видимому, лишь усугубило ситуацию (App. *BC.* I. 107): Santangelo 2007, 183–186.

восстания послужили как раз долги и основным требованием Манлия к властям было разрешение этой проблемы (Sall. *Cat.* 33. 1). Учитывая, что представители *plebs rustica* обычно не так часто являлись в Рим на выборы, поскольку подобного рода путешествия были сопряжены с известными трудностями, логично предположить, что у них имелись веские причины, чтобы приехать туда ради Катилины. В итоге вывод о том, что Луций Сергий заманил их обещаниями *tabulae novae*, напрашивается сам собой. Именно в этом, по мнению Г.Ф. Шитингера, и состояло новаторство Катилины: отсутствие выдающихся предков и личных заслуг, которые имели важное значение для кандидата, он заменил политической программой и в большей степени, нежели другие, предпочел опереться на *plebs rustica*²⁴. Однако эта гипотеза представляется недостаточно убедительной, поскольку сельский плебс все же не мог быть прочной опорой — его явка могла сорваться по самым разным причинам.

На эту ситуацию можно взглянуть иначе, если обратиться к прошлому Катилины. По версии Б. Мауренбрехера, во время гражданской войны ему поручили ведение осады Пренесте и, когда это происходило, Катилина уже имел статус легата (Sall. *Hist.* I. 46 M: *Magnis operibus perfectis obsidium cepit per L. Catilinam legatum*). К. Цихориус выдвинул следующие возражения против этого положения: у Аппиана прямо сказано, что осадой Пренесте с самого начала руководил Квинт Лукреций Офелла (точнее, Афелла) (App. *BC.* I. 88. 402); за семь лет Катилина вряд ли смог бы из члена совета Помпея Страбона в 89 г. (*CIL* I² 709. 11) превратиться в легата; и, наконец, слова *obsidium coepit* предполагают, что в исходном тексте имелось описание осады, а потому данный фрагмент нельзя отнести к вступительному разделу первой книги «Истории» и скорее всего он относится к событиям после 78 г., описание которых начинается с фрагмента 1: M. Lepido Q. Catulo consulibus²⁵. А. Кивни и Дж. Страчан оспорили положения К. Цихориуса, показав, что семь лет не слишком большой срок и что Сулла мог своей властью назначить Катилину легатом. На основании изучения периихи 89-й книги Тита Ливия они сделали вывод, что Катилина скорее всего занимался осадой самнитского города Эзернии, который благодаря ему пал в 79 г.²⁶ Дж. Урсо разделяет их мнение относительно статуса Катилины как легата, но критикует версию о его участии в осаде Эзернии, поскольку этот вывод основывается на ошибочной локализации кампанского города Нола, который, согласно тексту периихи, находится в Самнии (Liv. *Per.* 89: *Sylla Nolam in Samnio recepit*) — там же, где и Эзерния. Вот почему предложенная Кивни и Страчаном реконструкция фразы Саллюстия с включением в нее Эзернии (*Sylla Nolam <et Aeserniam> in Samnio recepit*) видится Урсо насилием над текстом. Кроме того, отмечает ученый, в *Historiae* после введения, касавшегося Союзнической и гражданской войн (I. 15–53 M), следовал рассказ о событиях 78 г. и частично — 77 г., т.е. в основном она была посвящена *tumultus Lepidi* и началу *bellum Sertorianum*. Введение же к событиям 80-х годов должно было быть относительно кратким, тем более что в «Югуртинской войне» (95. 2) Саллюстий заявил об отсутствии намерения рассказывать о дальнейших деяниях Суллы. Что же

²⁴ Schietinger 2017, 180.

²⁵ Cichorius 1922, 172–173.

²⁶ Keaveney, Strachan 1981, 363–366.

касается подавления мятежа Лепида, то в источниках с ним связываются две осады: Мутины и Альбы Фуценты, так что Катилина вполне мог участвовать в одной из них. В случае с Мутиной он был бы легатом Помпея, если тот имел *imperium pro praetore*, или Катула, если Помпей тоже был легатом; если же Катилина руководил взятием Альбы Фуценты, то его принадлежность к войску Катула остается единственным вариантом, и именно это представляется наиболее вероятным²⁷.

Таким образом, обращение Луция Сергия к сулланским ветеранам предстает в новом свете. В их глазах сулланец Катилина, занимавший достаточно высокий пост в армии и помогавший бороться за сохранение наследия диктатора, должен был выглядеть более привлекательной кандидатурой, нежели его соперники. Поэтому-то, прекрасно это понимая, он, возможно, и обратился к ним за поддержкой — не случайно Аппиан пишет, что его послания были адресованы не селянам вообще (сулланцы вовсе не *plebs rustica*, а весьма зажиточные люди), а именно сулланцам (App. BC. II. 2. 7), ведь это была как раз та аудитория, для которой его личность и заслуги могли показаться достаточно впечатляющими. Ветераны же, по словам Цицерона, побудили явиться на выборы селян, соблазнив их надеждами на грабежи, подобные тем, что имели место в прошлом (Cic. Cat. II. 20: *qui etiam non nullos agrestis homines tenues atque egentes in eandem illam spem rapinarum veterum impulerunt*). Однако учитывая, что именно селяне тогда от них и пострадали, думается, что подобное напоминание, да еще со стороны виновников их несчастий, выглядело бы не слишком уместным. Более вероятным представляется, что сельские жители отправились в Рим в надежде получить от Катилины деньги в случае успешного для него исхода голосования — не исключено, что ветераны намекали им именно на это²⁸, а Цицерон просто искажил их мотивацию. Что же до *tabulae novae*, то Луций Сергий едва ли мог пообещать им подобную меру, ведь тем самым он поставил бы под удар свою *amicitia* с виднейшим консервативным Катулом, а то, что их дружба не прервалась (о чем свидетельствует письмо Катилины²⁹, в котором он накануне своего отъезда из Города объясняет причину своего решения и просит Катула позаботиться о своей жене: Sall. Cat. 35), может говорить об отсутствии каких-либо провокационных шагов со стороны Луция Сергия. Зато Цицерону ничего не стоило представить его сотрудничество с ветеранами как стремление посеять в Городе хаос³⁰.

²⁷ Urso 2019, 197–207.

²⁸ Во всяком случае, подобные меры широко практиковались среди соискателей: Mouritsen 2001, 113.

²⁹ Письмо признается подлинным: von Schnorr-Karolsfeld 1888, 25–29.

³⁰ Г. Ф. Шитингер полагает, что тем самым он способствовал пробуждению воспоминаний о 100 г., когда Марий и Сатурнин пытались провести свои законы, опираясь на *plebs urbana* и марианских ветеранов (App. BC. I. 30; Plut. Mar. 28): Schietinger 2017, 180. Однако эта гипотеза вызывает сомнения, поскольку Цицерон нигде не проводит подобных параллелей и не вполне понятно, почему они вообще должны были возникнуть: стремление Мария и Сатурнина посеять хаос в Городе в источниках не упоминается (т.е. им его скорее всего даже не приписывали), а Катилина, как мы попытались показать выше, стремился не к проведению политики, противоречащей интересам сената, а лишь к консулату, т.е. ситуации были совершенно разными.

Это подводит нас к вопросу о заговоре. Если Катилина не пытался привлечь лозунгом *tabulae novae* ни городское население, ни сельское, то мог ли этот пункт быть частью программы его (предположительно) составленного после поражения заговора? Именно так пытается представить ситуацию Цицерон. Поддержку прибывших из Этрурии ветеранов и *plebs rustica*, а также их последующее восстание из-за долгов он изображает как составные части одного развернутого заговора, существующего как внутри Города, так и за его пределами — недаром даже свиту Катилины, состоявшую из сулланских колонистов и «жертв сулланского безвременья», он называет войском (Cic. *Mur.* 49)³¹. По версии оратора, которую повторяют и другие античные авторы³², Манлий действовал по приказу Катилины, и именно последний был истинным предводителем мятежного войска в Этрурии (Cic. *Cat.* I. 5). Однако здесь надо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, восстание в Этрурии было *единственной* подтвержденной³³ угрозой на момент произнесения первой Катилинарии, а со стороны Луция Сергия и его соратников в Риме никаких насильственных действий совершено не было, так что говорить о городском заговоре довольно проблематично. Во-вторых, даже если Катилина и его сторонники в самом деле что-то планировали, то Манлий взялся за оружие раньше, чем состоялось собрание в доме Леки, на котором катилинарии, по словам Саллюстия, распределили, кто что должен делать (Cic. *Cat.* II. 13; Sall. *Cat.* 27. 3–4), из чего следует, что он был не посвящен в их планы, а они — в его. На то же указывает и содержание его послания³⁴ к Марцию Рексу — Манлий ни единым

³¹ В данном случае — *exercitus*. Учитывая, что ранее, во второй Катилинарии он называл «войском» (*coriae*) Катилины всевозможных должников, бандитов и головорезов, параллель очевидна: судя по всему, оратор просто использовал военные термины применительно к тем, кто поддерживал Луция Сергия, чтобы подчеркнуть якобы исходившую от него и от них угрозу.

³² Cic. *Cat.* I. 7; Sall. *Cat.* 24. 2; 27. 1; 27. 4; App. *BC.* II. 2; Dio Cass. XXXVII. 30. 4.

³³ Позднее Цицерон говорил, что «когда памятный нам заговор вырвался наружу из потайных углов и из мрака (т.е., очевидно, вскоре после 21 октября, когда стало известно о восстании Манлия и было принято SCU. — Д. Д.) ... Публий Сестий привел войско в город Капуя, на который, как мы подозревали, собирался напасть отряд этих нечестивых преступников, так как обладание Капуей давало очень много преимуществ для ведения войны» (Cic. *Sest.* 9; курсив наш. — Д. Д.), и выгнал оттуда человека, якобы вербовавшего сторонников заговора в Писавре и других частях Галльской области. Из этой фразы видно, что настоящих доказательств у Цицерона не было. Саллюстий настроен более скептически: он прямо пишет, что одновременно с известием о восстании Манлия «как бывает в подобных случаях, одни сообщали о знаменаниях и чудесах, другие — об устраиваемых сборищах, о доставке оружия, о начинающихся в Капуе и Апулии восстаниях рабов» (Sall. *Cat.* 30. 2). Так что, возможно, в данном случае оратор просто решил сыграть на начавшейся панике и, с одной стороны, усилить ее, показав, что опасность действительно существует, а с другой — выступить в роли бдительного и заботливого консула, который держит все под контролем и спасет сограждан от любой беды, тем более что SCU было вынесено и его надо было оправдывать, а в Городе ничего не происходило.

³⁴ Как показала К. Уильямс, наиболее вероятно, что приведенное Саллюстием послание ненастоящее, поскольку изначально это скорее всего было не письмо, а речь, и потому Саллюстий мог знать лишь о его существовании и не более того, а содержание додумал

словом не упоминает Катилину и даже выражает готовность сложить оружие, как только *его* требования будут удовлетворены (Sall. Cat. 33)³⁵. Таким образом, наиболее вероятно, что он действовал самостоятельно, а Катилина присоединился к восстанию лишь после того, как Цицерон своей речью спровоцировал его на отъезд из Города³⁶.

Очевидно, именно этот мятеж Цицерон и имел в виду в трактате «Об обязанностях»: «Никогда еще не было совершено более решительных действий в пользу неуплаты долгов, чем те, что были совершены в год моего консулата. Люди разного рода и звания пытались разрешить этот вопрос оружием и войной; я оказал им такое противодействие, что все это зло было в государстве уничтожено» (Off. II. 84. Пер. В.О. Горенштейна с поправкой).

Однако как в таком случае понимать фразу Катилины из его письма к Катулу, где он пишет, что его «новый замысел» (*novum consilium*), т.е., очевидно, решение присоединиться к восставшим³⁷, был продиктован тем, что он, «по своему обыкновению, взял на себя защиту несчастных» (Sall. Cat. 35. 3: *publicam miserorum causam pro mea consuetudine suscepi*, курсив наш. — Д. Д.)? Оборот *pro mea consuetudine* по логике должен означать, что Луций Сергий и ранее неоднократно вступался за обиженных. У. Бэтстоун считает, что речь здесь идет как раз о его политической программе, связанной с *tabulae novae*³⁸, но это, как мы попытались доказать выше, маловероятно. По мнению Дж. Рамзи, *miseri* — это несчастные в понимании самого Катилины, т.е. те не удовлетворенные своим положением люди, которые присутствовали на встрече в его доме, когда он произнес вдохновляющую (и радикальную) речь

сам: Williams 2000, 168–169. Аналогичного мнения придерживаются П. Макгашин и К.Х.Э. Кананак (McGushin 1977, 189; Kananack 2012, 181), хотя последний оговаривает, что даже если письмо сочинил сам Саллюстий, оно противоречит образу Манлия, ибо писатель показывает его подчиненным Катилины. Более того, по Саллюстиевой хронологии, Манлий посылает делегата к Марцию Рексу после отъезда Катилины из Города, но до его прибытия в Фезулы, что вряд ли можно считать признаком сотрудничества. Э. Дж. Филиппс считает это хитростью, призванной помочь Катилине выиграть время (Philipps 1976, 443), но на это ничто не указывает: Kananack 2012, 182.

³⁵ McGushin 1977, 162; Batstone 2010, 166; Waters 1970, 201; Seager 1973, 240–241.

³⁶ При этом не исключено, что Луций Сергий и его сторонники в Городе с самого начала следили за ходом событий и ждали возможности воспользоваться плодами действий Манлия.

³⁷ В.О. Горенштейн понимает *novum consilium* в значении *consilium novarum rerum*, т.е. как стремление к государственному перевороту (см. Гай Саллюстий Крисп, *Сочинения*. Перевод, статья и комментарии В.О. Горенштейна. М., 1981. С. 178, прим. 167); У. Бэтстоун допускает, что речь могла идти как о «революционных планах», так и о решении отправиться в изгнание: Batstone 2010, 170; Дж. Рамзи же считает, что Катилина намеренно использовал двусмысленное выражение, которое могло означать и решение присоединиться к восставшим, и намерение удалиться в добровольное изгнание: Ramsey 2007, 156. Но поскольку далее в письме говорится о желании поддержать несчастных, очевидно, что никакой двусмысленности здесь нет и что под «новым планом» Катилина подразумевал именно свой отъезд к Манлию (именно так переводит С.П. Гвоздев: Gvozdev 1947, 48).

³⁸ Batstone 2010, 170.

и посулил им многие блага (Sall. *Cat.* 20–21)³⁹. Эта версия представляется неубедительной, поскольку из слов Катилины явствует, что он уже много раз кому-то помогал и никакой тайны в этом нет, тогда как в речи он только давал обещания, и то не такие, которыми стоило бы хвастаться перед Катулom. Поэтому вероятнее, что под *miseri* он подразумевал молодых людей из высшего общества, которым в самом деле оказывал различные услуги (Cic. *Cael.* 13; Sall. *Cat.* 14. 5–6) — очевидно, что бы наладить связи в нужных кругах и тем самым облегчить себе продвижение по карьерной лестнице⁴⁰. Саллюстий считает такое поведение предосудительным, но когда о нем говорит Цицерон, в его словах сквозит невольное восхищение, и характеристика, которую он в этой связи дает Катилине, вполне укладывается в понятие *magnitudo animi* — качества, которым обладающий им человек мог по праву гордиться. Возможно, именно так и воспринимал свою помощь этим «несчастливым»⁴¹ Катилина (либо надеялся, что ее так воспримет Катул), а потому и сослался на нее в письме к Квинту Лутацию.

Подведем итоги. Думается, что вопреки распространенному в науке мнению Катилина не прибегал к предвыборной агитации с обещаниями *tabulae novae*. Впечатление о том, что он это делал, по всей вероятности, возникло в силу нескольких обстоятельств, а именно: общая ситуация с долгами в 63 г., его личные долги, несдержанность на язык, клевета со стороны Цицерона и восстание обремененных долгами сулланских ветеранов и селян, которые ранее приезжали голосовать за Катилину.

В действительности же, как представляется, его методы были вполне традиционными. Если он и рассуждал накануне выборов на 62 г. о финансовых проблемах, то только в частном порядке, на дружеских встречах в своем доме, но и тогда речь едва ли шла о *tabulae novae* — скорее он просто дал друзьям понять, что в случае своего избрания добьется определенных выгод и для них. Выступать перед народом с обещаниями *tabulae novae* Катилина явно не мог, поскольку, не будучи магистратом, не имел права созывать сходки, а о том, что это делал кто-то из его приверженцев, в источниках ничего не говорится. Кроме того, масштабная предвыборная агитация в пользу *tabulae novae* могла оттолкнуть от него правящую элиту, тогда как в интересах Катилины было не раздражать ее. Вот почему он предпочел сделать ставку на сулланских ветеранов из северной Этрурии, ибо, участвуя в подавлении восстания Лепида, он в известном смысле защищал их интересы и, следовательно,

³⁹ Ramsey 2007, 157.

⁴⁰ То есть действовал в полном соответствии с рекомендацией «Краткого наставления по соисканию»: «Прежде всего познакомься с всадниками (ведь их немного), затем привлеки их к себе (этот юношеский возраст гораздо легче склонить к дружбе)» (*Comm. pet.* 33. Здесь и далее пер. В.О. Горенштейна). И далее: «Она (щедрость. — Д. Д.) — в званных обедах, которые ты должен давать; пусть их расхваливают и ты, и твои друзья повсюду и в каждой трибе; она — в оказании содействия, которое должно быть общеизвестным и к услугам каждого; заботься также о том, чтобы доступ к тебе был свободен днем и ночью» (*Comm. pet.* 44). Соискатель же, не желавший заниматься налаживанием связей посредством оказания услуг, воспринимался как *nullus competitor* (*Comm. pet.* 25).

⁴¹ Не исключено, впрочем, что кто-то из них присутствовал и на его *contio domestica*.

имел личные заслуги перед ними, а потому мог рассчитывать на их благосклонность. Расчет оказался верным, и Катилина сумел заручиться поддержкой ветеранов, а вместе с ними (видимо, в надежде получить от Катилины деньги в случае его победы) прибыли и представители *plebs rustica* из той же области. Однако его кандидатура не прошла, а когда через несколько месяцев ветераны и селяне подняли мятеж из-за проблем с долгами, Цицерон воспользовался этим, чтобы выставить Луция Сергия их истинным вдохновителем и, побудив его открыто присоединиться к ним, окончательно от него избавиться⁴².

Литература / References

- Barbieri, A. 1994: *Le Tabulae novae ed il Bellum Catilinae*. *Rivista di Cultura Classica e Medioevale* 36/1–2, 307–315.
- Batstone, W.W. 2010: *Catiline's Conspiracy, The Jugurthine War, Histories*. New York.
- Berry, D.H. 2020: *Cicero's Catilinarians*. New York.
- Billows, R.A. 2009: *Julius Caesar. The Colossus of Rome*. London–New York.
- Brunt, P.A. 1971: *Social Conflicts in the Roman Republic*. London.
- Canfora, L. 2011: *Giulio Cesare. Il dittatore democratico*. Roma–Bari.
- Cary, M. 1932: Rome in the Absence of Pompey. In: S.A. Cook, F.E. Adcock, M.P. Charlesworth (eds.), *Cambridge Ancient History*. Vol. IX. Cambridge, 475–505.
- Cichorius, C. 1922: *Römische Studien: Historisches, Epigraphisches, Literaturgeschichtliches aus vier Jahrhunderten Roms*. Leipzig–Berlin.
- Drummond, A. 1999: Tribunes and Tribunician Programmes in 63 BC. *Athenaeum* 87, 121–167.
- Frederiksen, M.W. 1966: Caesar, Cicero and the Problem of Debt. *Journal of Roman Studies* 56/1–2, 128–141.
- Gelzer, M. 1926: Sergius (Catilina). In: *RE*. Hlbd. 27, 1693–1711.
- Giovannini, A. 1995: Catilina et le problème des dettes. In: I. Malkin, Z.W. Rubinson (eds.), *Leaders and Masses in the Roman World*. Leiden, 15–32.
- Gruen, E.S. 1995: *The Last Generation of the Roman Republic*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Gvozdev, S.P. 1947: [Notes]. In: M.M. Pokrovskiy (ed.), *C. Sallustius Crispus. Catilinarian Conspiracy*. Moscow.
- Гвоздев, С.П. Примечания. В кн.: М.М. Покровский (ред.), *Г. Саллюстий Крисп. Заговор Катилины*. М.
- Kananack, C.H.E. 2012: *Reconsidering "The Conspiracy of Catiline": Participants, Concepts, and Terminology in Cicero and Sallust*. PhD thesis. Exeter.
- Keaveney, A., Strachan, J.C.G. 1981: Catilina legatus: Sallust, Histories 1.46 M. *Classical Quarterly* 31/2, 363–366.
- Knopf, F. 2018: *Die Partizipationsmotive der plebs urbana im spätrepublikanischen Rom*. Berlin.
- Korolenkov, A.V. 2020: *Pervaya grazhdanskaya vojna v Rime [The First Civil War in Rome]*. Saint Petersburg.
- Короленков, А.В. *Первая гражданская война в Риме*. СПб.
- Livshits, G.M. 1960: *Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rime 60 gg. do n.e. i zagovor Katiliny [Socio-political Struggle in Rome in 60s BC and the Catilinarian Conspiracy]*. Minsk.
- Лившиц, Г.М. *Социально-политическая борьба в Риме 60 гг. до н.э. и заговор Катилины*. Минск.
- McGushin, P. 1977: *Sallustius Crispus Bellum Catilinae: A Commentary*. Leiden.
- Morstein-Marx, R. 2021: *Julius Caesar and the Roman People*. Cambridge.

⁴² Для чего ему это было нужно — вопрос отдельный. Возможно, Цицерон хотел доказать, что его не зря избрали в консулы и что Катилина, которого он так очернил в своей предвыборной речи, действительно представляет угрозу, в то время как он, homo novus, наоборот, делает все, чтобы спасти *res publica*.

- Mouritsen, H. 2001: *Plebs and Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge.
- Philipps, E.J. 1976: Catiline's Conspiracy. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 25/4, 441–448.
- Ramsey, J.T. 2007: *Sallust's Bellum Catilinae*. Oxford–New York.
- Ramsey, J.T. 2019: The Date of the Consular Elections in 63 and the Inception of Catiline's Conspiracy. *Harvard Studies in Classical Philology* 110, 213–270.
- Rollinger, Chr. 2009: *Solvendi sunt nummi. Die Schuldenkultur der späten römischen Republik im Spiegel der Schriften Ciceros*. Berlin.
- Santangelo, F. 2007: *Sulla, the Elites and the Empire. A Study of Roman Policies in Italy and the Greek East*. Leiden–Boston.
- Schietinger, G.-Ph. 2017: Lucius Sergius Catilina. Karriereperspektiven und Karriere eines *homo paene novus* in der späten Römischen Republik. *Klio* 99, 149–191.
- Schnorr-Karolsfeld, H. von 1888: *Über die Reden und Briefe bei Sallust*. Leipzig.
- Scullard, H.H. 2010: *From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68*. London–New York.
- Seager, R. 1973: Iusta Catilinae. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 22/2, 240–248.
- Tatum, W.J. 2013: 'Campaign Rhetoric'. In: C.E.W. Steel, H. van der Blom (eds.), *Community and Communication: Oratory and Politics in Republican Rome*. Oxford, 133–150.
- Urso, G. 2019: Catilina legatus. Considerazioni su un discusso frammento sallustiano. *Ktema* 44, 197–207.
- Waters, K.H. 1970: Cicero, Sallust and Catiline. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 19/2, 195–215.
- Williams, K.F. 2000: Manlius' mandata: Sallust bellum Catilinae 33. *Classical Philology* 95/2, 160–171.
- Yakobson, A. 1999: *Elections and Electioneering in Rome. A Study in the Political System of the Late Republic*. Stuttgart.
- Yavetz, Z. 1963: The Failure of Catiline's Conspiracy. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 12/4, 485–499.